Отец без маски

Кем Бог оказался, когда мы перестали Его бояться

Роман Мирик

Роман Мирик

Отец без маски

«Автор»
2026

Мирик Р. В.

Отец без маски / Р. В. Мирик — «Автор», 2026

Иисус прощал людей ещё до распятия. Зачем тогда был нужен крест?Автор перечитывает трудные места Библии о гневе и суде. В притче Иисуса сын растратил наследство и возвращается домой, готовый проситься в слуги. Отец бежит ему навстречу, ещё не услышав от него ни слова.Можно ли прийти к Богу с тем, за что ты сам себя до сих пор осуждаешь?

© Мирик Р. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОТЕЦ БЕЗ МАСКИ 5
О библейских цитатах 6
ВВЕДЕНИЕ 7
Ребёнок и его отец: как страх формирует образ Бога 7
Маска, которую мы сами надели 8
Зачем написана эта книга 9
Как читать эту книгу: приглашение к разоблачению 10
Что ты найдёшь на этих страницах 11
Одно, о чём я прошу 12
ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ 13
ГЛАВА 1 13
1.1. Зеркало древности: что мы видим в Ветхом Завете 13
1.2. Культурная линза древнего мира 14
1.3. Пророки как трещины в маске 15
1.4. «Многократно и многообразно»: почему мы не слышали 16
1.5. Иоанн 1:18 — Бога не видел никто никогда 16
1.6. Иисус как разрыв цепочки проекций 17
1.7. Что это значит для чтения Ветхого Завета сегодня 18
Маска падает 19
ГЛАВА 2 21
2.1. Раннее христианство: образ креста как победы 21
2.2. Ансельм Кентерберийский и феодальная логика 21
2.3. Бог-Судья, Бог-Банкир, Бог-Прокурор 22
2.4. Абсурд сделки: притча об отце, который убивает сына 23
2.5. Метафоры Иисуса: Врач, Пастух, Отец 24
2.6. Прощение до распятия: вопрос к юридической модели 25
2.7. Почему юридическая модель кажется убедительной 26
Монстр умирает 26
ГЛАВА 3 28
3.1. Иоанн 16:2 — убивающий думает, что служит Богу 28
3.2. Фарисеев нельзя свести к одному образу 28
3.3. Когда защита Бога становится убийством Бога 29
3.4. Фарисей сегодня: голоса, которые мы слышим 30
3.5. От страха к доверию Отцу 31
3.6. Как проверять свой образ Бога 32
Крепость страха открывается 33
ГЛАВА 4 36
4.1. Рождение иллюзии: от семьи к юриспруденции 36
4.2. Юридическая система vs семейная система 37
4.3. Что остаётся, когда убираешь юридическую модель 38
4.4. Промах, ошибка, отклонение — не преступление 39
4.5. Разрушение и его последствия 40
4.6. Созидание как награда 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Роман Мирик
Отец без маски

ОТЕЦ БЕЗ МАСКИ

Кем Бог оказался, когда мы перестали Его бояться
Роман Мирик

О библейских цитатах

Название перевода в примечании относится к словесной форме цитаты. Помета «пересказ» означает свободную передачу смысла библейского места. Многоточие внутри цитаты обозначает сокращение. Авторские толкования и образные формулы следует отличать от дословных слов Писания.

В развёрнутых сценах запахи, жесты, выражения лица и внутренние реплики могут быть художественной реконструкцией автора. Они помогают представить встречу; их следует отличать от деталей, прямо названных в библейском рассказе. Богословские выводы книги выражают авторское прочтение и предлагаются читателю для проверки.

ВВЕДЕНИЕ
Бог, которого мы не знали

Ребёнок и его отец: как страх формирует образ Бога

Представь себе ребёнка. Ему четыре года. Он сидит за кухонным столом и рисует акварелью. Рядом с листом стоит стакан с водой для кисточки. Неловкое движение руки — стакан соскальзывает со стола и с грохотом разбивается о пол. По линолеуму растекается окрашенная вода, вокруг лежат осколки. Ребёнок замирает.

На грохот из соседней комнаты идёт отец. Ребёнок смотрит не на лужу, а на дверь. Он ждёт, что сейчас произойдёт. И весь вопрос — каким будет ответ отца.

Если отец войдёт и спокойно скажет: «Останься пока на стуле, малыш. Здесь осколки. Я всё соберу, а потом мы вытрем воду», — ребёнок может запомнить: ошибка не разрушает любовь, отец — это тот, кто бережёт его и помогает справиться с бедой.

Если отец войдёт и закричит, ударит по руке, скажет: «Ты всегда всё портишь», — ребёнок может запомнить другое: что любовь условна. Что за ошибку платят. Что отец — это тот, кого нужно бояться. Что нужно быть идеальным, чтобы тебя не отвергли.

А теперь представь, что этот ребёнок вырос. И ему сказали: «Бог — это твой Отец».

Какого отца он увидит в небе?

Того, кто вытирает лужу вместе с ним? Или того, кто бьёт по руке за каждый промах?

Я не знаю твоей истории. Не знаю, каким был твой отец — тёплым или холодным, присутствующим или далёким, любящим или пугающим. Но первые переживания близости и безопасности могут влиять на то, что мы позднее слышим в слове «Отец». Иногда этот образ складывается ещё на кухне, в гостиной, в темноте детской, когда ребёнок плачет и ждёт — придут ли к нему.

Мы приходим к Богу со своим опытом. Детские отношения могут стать одной из линз, через которые мы представляем Его лицо. Но они не определяют нас навсегда и не исчерпывают всех путей к Нему.

Если лицо близкого человека было искажено гневом, в образ Бога порой входит гнев. Если оно было равнодушным — равнодушие. Если за ошибку следовало наказание, мы можем ждать суда и от Бога: видеть в Нём Прокурора, ведущего бухгалтерскую книгу наших грехов.

Бывает, что мы думаем, будто верим в Того, Кто описан в Евангелии, а в нашем образе Бога продолжаем встречаться с проекцией собственного страха.

Маска, которую мы сами надели

Я хочу, чтобы ты представил одну вещь.

Представь, что ты всю жизнь смотришь на солнце через грязное, закопчённое стекло. Ты видишь тусклый, бурый, почти мёртвый диск. Ты говоришь: «Вот какое солнце — тёмное, холодное, далёкое». Ты строишь вокруг этого целую философию. Пишешь книги о том, как солнце гневно смотрит на землю. Строишь храмы, чтобы умилостивить тёмное солнце. Учишь детей: «Солнце вас накажет, если будете себя плохо вести».

А потом кто-то подходит и говорит: «Подними голову. Стекло грязное. Солнце — свет. Солнце — тепло. Солнце было светом всегда. Это ты смотрел через копоть».

И ты отодвигаешь стекло. Смотришь. И видишь свет. И плачешь. Не потому что больно. А потому что понимаешь: ты жил в темноте, которая была не от солнца. Она была от стекла, сквозь которое ты привык смотреть.

Вот что произошло с нашим образом Бога.

Не Бог изменился. Не Бог стал жестоким. Не Бог потребовал крови. Я вижу, как стекло страха, культурного насилия, племенного мышления и юридической логики может заслонять Его. Мы переносим на Бога то, чего боимся в людях, и порой принимаем эту проекцию за богословскую истину.

Маска. Мы надели маску на лицо Отца. Маску судьи. Маску банкира, требующего возврата долга. Маску царя, который казнит за непослушание. Маску отца, который отвернулся.

И что самое страшное — мы поверили, что за маской ничего нет. Что маска и есть лицо. Что Бог *действительно* таков.

Отношение Отца в этом образе я передал бы такими словами: «Сними. Пожалуйста. Я не такой. Я никогда не был таким. Сними и посмотри Мне в глаза».

«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоанн 1:18).

Не уточнил. Не поправил. Не сказал: «Ну, Ветхий Завет — это в целом правильно, просто детали...» Нет. *Явил*. Показал заново. Как будто раньше мы смотрели на картину вверх ногами, и кто-то наконец перевернул её.

Иисус не пришёл, чтобы изменить Бога. Он пришёл, чтобы изменить наш образ Бога. Он пришёл, чтобы снять маску.

Зачем написана эта книга

Я напишу тебе честно.

Эта книга написана не для того, чтобы кого-то убедить. Не для того, чтобы выиграть спор. Не для того, чтобы разрушить чью-то веру.

Она написана для одного человека, который однажды ночью лежал без сна и думал: «Если Бог — это то, что мне рассказали в церкви, то я не могу Его любить. Я могу Его бояться. Могу Ему подчиняться. Могу пытаться заслужить Его одобрение. Но любить — нет. Потому что я не могу любить того, кто угрожает мне вечной пыткой за ошибку. Я не могу любить того, кто требует, чтобы Его собственного Сына убили, прежде чем Он согласится меня простить. Я не могу любить того, кто наблюдает за моими страданиями и говорит: „Это справедливо“».

Если ты этот человек — эта книга для тебя.

Если ты когда-либо чувствовал, что между тобой и Богом стоит стена, построенная из правил, страха и ощущения собственной недостойности — эта книга для тебя.

Если ты устал от Бога, который считает. Который записывает. Который ждёт, пока ты оступишься, чтобы сказать: «Я же говорил». Если ты сталкивался с религиозной практикой, в которой тебя сначала убеждали в собственной сломленности, а потом превращали помощь в предмет торга, — эта книга для тебя.

Я не хочу тебя ни в чём убеждать. Я хочу предложить тебе одну вещь: посмотри на Иисуса ещё раз. Без линзы. Без системы. Попробуй на время отложить юридическую модель, чтобы услышать Иисуса прежде, чем объяснять Его через привычную систему. Посмотри на Него так, как смотрели те, кто встречал Его на дорогах Галилеи. На живого человека, который говорил странные, невозможные, освобождающие вещи.

Он прощал людей ещё *до* распятия. Парализованному Он сказал: «Прощаются тебе грехи» (Марк 2:5), женщине, которую хотели побить камнями: «И Я не осуждаю тебя» (Иоанн 8:11).[55] И даже на кресте разбойник услышал: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лука 23:43).

В этих встречах Иисус не требовал от человека сначала оплатить прощение или принести жертву, чтобы заслужить Его милость.

Смысл этих встреч я выразил бы так: «Ты Мой. Ты всегда был Мой. Иди домой».

И вот об этом — книга. О том, что Отец никогда не уходил. Что маска — это не Его лицо. Что разделение между тобой и Богом — иллюзия, которую поддерживают страх, усвоенные образы и привычка ждать отвержения. Из неё бывает трудно выйти, потому что знакомые правила кажутся безопаснее незнакомой любви. Потому что если Бог — Судья, то хотя бы правила понятны. А если Бог — Отец, который бежит навстречу, обнимает ещё до первых слов сына...

Встреча с незнакомой любовью тоже может пугать. Её не нужно заслуживать. Можно постепенно учиться принимать её, не заставляя себя доверять раньше, чем ты готов.

Как читать эту книгу: приглашение к разоблачению

Я не прошу тебя соглашаться.

Я предлагаю, читая, замечать и свои чувства, и свои возражения. Возможно, какие-то страницы вызывают страх или сопротивление; возможно, ты видишь в Писании основания для другого вывода. Ни одна из этих реакций не лишает тебя права проверить мои доводы.

Это приглашение обратиться к Писанию и посмотреть на Отца через Иисуса. Если тебе знаком страх наказания, можно спросить себя, откуда он взялся и что помогает доверять любви. При этом богословский вопрос не обязательно рождается из страха: его стоит рассматривать по существу.

Образ ребёнка из начала книги помогает говорить об ожидании наказания. Того самого, четырёхлетнего. Который разлил воду на кухне. И ждёт, что скажет отец. Возможно, ты узнаешь в этом образе что-то своё; возможно, твой опыт совсем другой.

Эта книга обращена и к тому, кто узнаёт в себе такого ребёнка, и к тому, кто приходит с другими вопросами и опытом.

Она говорит ему: «Отец не придёт тебя бить. Отец уже здесь. Он всегда был здесь. Он не уходил, когда ты решил, что ушёл. Он не отвернулся, когда ты отвернулся. Он ждал. Не потому что Он терпеливый судья, который даёт тебе испытательный срок. А потому что Он — Отец. И ты — Его. И это не изменится. Никогда не изменится. Никакой грех, никакая ошибка, никакой промах не изменят того факта, что ты — сын. Что ты — дочь. Что ты — дома».

«Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римлянам 8:38–39).[1]

Прочитай это ещё раз. Медленно. *Никакая* тварь. Никакой грех. Никакая ошибка. Никакой промах. Никакой суд. Никакой приговор. *Ничто* не может отлучить. Не «при условии покаяния». Не «если будешь стараться». Не «если не будешь слишком грешить». Ничто. Точка.

Для меня это не отвлечённая теория, а живая реальность отношений с Отцом. Ты не отделён от Бога. Ты никогда не был отделён. Ты — ветвь на лозе. Ты — волна в океане. Ты — луч в солнце. Можешь ли ты перестать быть тем, что ты есть?

«Я есмь лоза, а вы ветви» (Иоанн 15:5). Не «вы *можете быть* ветвями, если будете себя хорошо вести». Вы *есть*. Факт. Реальность. Не награда за послушание.

Что ты найдёшь на этих страницах

Мы пройдём вместе долгий путь.

Мы начнём с того, как страх и насилие могли влиять на человеческие представления о Боге. Посмотрим, как племенные войны, феодальная логика и юридическое мышление входили в образ Отца. Как за маской Грозного Судьи бывает трудно увидеть Того, Кто любит.

Мы обратимся к языковому контексту евангельских слов и к образу греха как *промаха*: стрелы, прошедшей мимо мишени. В этой книге я предлагаю увидеть в нём прежде всего разрушение жизни, а не долг, который нужно оплатить Богу. Слова Иисуса «Иди и впредь не греши» я читаю как приглашение: «Перестань разрушать себя и вернись к жизни, для которой ты создан».

Мы посмотрим на крест. Не как на сделку. Не как на оплату. Не как на место, где Бог-Отец переливает Свой гнев на Бога-Сына, чтобы «справедливость была удовлетворена». Мы посмотрим на крест как на зеркало, в котором видно всё, на что способно человечество, когда оно боится любви. И как на окно, в котором видно всё, на что способен Бог: прощать в момент убийства.

Мы войдём в истории. В историю Закхея, где приглашение Иисуса звучит прежде слов о щедрости и возмещении вреда. На дорогу, по которой бежит Отец навстречу блудному сыну. К колодцу, где Иисус говорит с самарянкой без единого слова осуждения. На крест, где разбойник слышит обещание быть с Иисусом в раю уже сегодня.

И мы завершим этот путь словами из молитвы Иисуса перед крестом: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоанн 17:21).

Не «да будут прощены». Не «да будут оправданы». Не «да получат статус спасённых». *Едины*. Одно. Нераздельны. Как волна и океан. Как луч и солнце. Как ветвь и лоза.

Так я слышу Евангелие. Не юридический документ о твоём оправдании. А приглашение осознать, что ты никогда не был вне. Что дверь не была заперта. Что Отец не сидел на троне, ожидая, пока ты заплатишь за вход. Он стоял у окна. Смотрел на дорогу. И когда увидел тебя вдали — побежал.

«И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лука 15:20).

Не медлил. Не готовил речь. Не проверял, достаточно ли сын пострадал. Не требовал отчёта. Побежал.

Одно, о чём я прошу

Перед тем как ты перевернёшь страницу, я прошу тебя об одном.

Я предлагаю читать эту книгу как личное письмо и приглашение к размышлению. Ты можешь проверять её богословские доводы, соглашаться или спорить с ними. Мне важно лишь, чтобы книга не становилась учебником обязательных «правильных ответов» или оружием против тех, кто верит иначе.

Читай её как письмо. Как письмо, которое кто-то написал лично тебе. В три часа ночи, когда ты не мог уснуть и думал, что с тобой что-то фундаментально не так. Что ты слишком сломан, чтобы тебя любили. Что ты слишком много ошибок совершил, чтобы тебя приняли. Что если Бог и существует, то Он, наверное, устал от тебя.

Читай как письмо, в котором написано: «Я не устал. Я не ушёл. Я не считаю. Я не жду, пока ты станешь лучше. Я здесь. Я всегда был здесь. Твои раны и ошибки не лишили тебя достоинства. Если тебе трудно помнить, что ты любим, Я рядом, чтобы напомнить».

Если тебе знакома маска «я должен заслужить» или голос «ты недостаточно хорош», можно постепенно пробовать смотреть на Отца без неё. Не нужно заставлять себя открыться сразу или стыдиться того, что пока страшно.

Он не отведёт взгляд. Он не скажет: «Закрой лицо, ты недостоин». Смысл Его отношения к человеку я выразил бы такими словами:

«Ты — Мой. Я тебя знаю. Я тебя вижу. Иди домой».

Дом. Ты помнишь это слово? Не место. Не здание. Не церковь. Не доктрина. Не система. Дом — это там, где тебя ждут. Где тебе не нужно стучать. Где дверь не заперта. Где свет горит, даже если ты придёшь в три часа ночи. Где на столе стоит тарелка. Где кто-то смотрит на дорогу.

Ты шёл долго. Может быть, всю жизнь. Может быть, ты уходил и возвращался, уходил и возвращался. Может быть, ты так устал от дороги, что уже не веришь, что дом существует. Что кто-то ждёт. Что тебя не прогонят.

Я пишу эту книгу, чтобы сказать тебе одно:

Дом существует. Отец ждёт. Дверь открыта. Всегда была открыта.

Тебе не нужно становиться кем-то другим, чтобы войти. Тебе не нужно платить. Тебе не нужно доказывать. Тебе не нужно заслуживать.

Просто войди.

И Отец побежит навстречу.

Переверни страницу. Мы начинаем снимать маску.

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ

ГЛАВА 1
Бог проекции

1.1. Зеркало древности: что мы видим в Ветхом Завете

В Ветхом Завете есть страницы, перед которыми трудно остаться спокойным: войны, кровь, гнев, разрушение городов, гибель первенцев, повеления истребить целый народ — мужчин, женщин, детей. Именно эти тексты ставят перед нами вопрос: как соотнести их с Отцом, которого открывает Иисус?

В повествовании Самуил передаёт Саулу повеление: «…теперь иди и порази Амалика, и истреби всё, что у него, и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» (1 Царств 15:1–3).

Прочитай это. Вслух. И спроси себя: это говорит Любовь? Это говорит Тот, Кто «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Иоанн 3:16; пересказ)? Это говорит Тот, Кто велит любить врагов и молиться за гонителей?[2]

Нет.

Я не могу услышать здесь голос Отца, которого открывает Иисус. В моём прочтении это голос человека, приписывающего Богу жестокость своего времени. Сквозь стекло древнего мира, где война была нормой, где бог племени — это бог, который побеждает чужих богов, где милосердие к врагу — слабость, а жестокость — доказательство силы.[32]

Я не говорю, что Ветхий Завет — ложь. Я не говорю, что его нужно выбросить. Ветхий Завет — *зеркало человеческого восприятия Бога*. В нём отражены культура, страх и ограниченность древнего народа. Но в нём же есть слова, через которые просвечивает любовь Отца. Я различаю эти образы через Иисуса: именно Его жизнь для меня раскрывает, Кто Отец на самом деле.

Если читать эти жестокие страницы как прямую диктовку Бога — как стенограмму небесного заседания, — легко увидеть в Нём Того, Кто гневается, убивает, требует крови и отвергает. Именно с таким прочтением я хочу сопоставить образ Отца, открытый Иисусом.

И тогда Иисус становится проблемой. Потому что Иисус говорит совсем другое. Иисус говорит: «Любите врагов ваших» (Матфей 5:44). Иисус говорит: «Не судите, да не судимы будете» (Матфей 7:1). Иисус говорит об Отце Небесном: «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми» (Матфей 5:45).[3]

И ты стоишь перед выбором: либо Иисус противоречит Отцу, либо наш образ Отца, взятый из Ветхого Завета, — не полный. Не окончательный. Не лицо, а маска.

Иисус не противоречит Отцу. Иисус *показывает* Отца. Впервые. Без маски. Без проекции. Без человеческого стекла.

1.2. Культурная линза древнего мира

Давай я объясню, что такое проекция, на простом примере.

Представь ребёнка, который вырос в доме, где отец бил мать. Где сила была главным аргументом. Где любовь выражалась через контроль, а наказание — через боль. Этот ребёнок вырастает и становится писателем. И пишет книгу о Боге. Как этот опыт может повлиять на его образ Бога? В нём могут появиться сила, кара, требование подчинения, ожидание наказания за ошибку.

Это не обязательно сознательная ложь писателя. Такой опыт может стать его линзой — одной из тех, через которые он смотрит на реальность.

Теперь представь целый народ. Тысячи лет. Бронзовый век. Железный век. Племенные войны. Рабство. Египет. Вавилон. Ассирия. Народ, который выживает в мире, где тебя могут стереть за одну ночь. Где бог — это тот, кто даёт тебе победу в бою. Где если ты проиграл — значит, твой бог слабее чужого. Где единственный способ понять невидимое — через видимое: царь, судья, воин, отец-патриарх.

Этот народ пишет о Боге. И пишет тем языком, который знает. Языком силы. Языком войны. Языком суда. Языком племенной верности: наш Бог против вашего.

И это не значит, что они лгали. Это значит, что они видели *частично*. Через мутное стекло. Через культурную линзу своего времени, которую было трудно заметить и переосмыслить.

Павел напишет потом: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Коринфянам 13:12). В греческом тексте здесь — зеркало: отражение, которое пока видно неясно. Павел говорит и о нашем нынешнем неполном знании. Я применяю этот образ к культурной линзе древнего человека. Не «мы видим Бога таким, какой Он есть». Не «мы получили полную картинку». *Гадательно*. Как тень на стене пещеры. Как силуэт за занавеской.[33]

Древние израильтяне видели силуэт. И описывали его как могли. Силами своего языка. Силами своей культуры. Силами своего страха.

Когда такой силуэт становится наследством следующих поколений, люди могут принять его за Бога, учить детей бояться его и строить вокруг него юридические, ритуальные и институциональные системы.

А за силуэтом — живой Бог. Который смотрит на нас и говорит: «Я не такой. Я никогда не был таким. Посмотри на Сына. Посмотри на Иисуса. В Нём ты видишь Мою любовь».

1.3. Пророки как трещины в маске

Но даже в Ветхом Завете — даже в этом зеркале человеческого страха — есть трещины. Моменты, когда маска сдвигается. Когда сквозь культурную линзу пробивается настоящий свет.

Пророки. Они были трещинами.

Исаия пишет: «К чему Мне множество жертв ваших? …Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу. …Перестаньте носить пустые дары. …Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетённого» (Исаия 1:11–17; пересказ).[4]

Остановись. Прочитай ещё раз. Передам смысл этих слов так: «Мне *не нужны* ваши жертвы. Я *не хочу* крови. Мне нужно, чтобы вы были добры друг к другу».

Это трещина. Это момент, когда сквозь маску воинственного племенного бога проступает лицо Отца.

Осия пишет от имени Бога: «Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и боговедения более, нежели всесожжений» (Осия 6:6). Иисус дважды обращается к этим словам: отвечая на упрёк в том, что Он ест с грешниками (Матфей 9:13), и защищая учеников, обвинённых в нарушении субботы (Матфей 12:7).

Михей: «О, человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Михей 6:8).

Не «приноси кровь». Не «умилостивляй». Не «трепещи». Действуй справедливо. Люби милосердие. Ходи смиренно.

Иеремия: «Ибо Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду» (Иеремия 29:11; пересказ).[5]

Это не Бог-Воин. Не Бог-Судья. Не Бог, который требует крови. Это Отец; Его мысль в моём прочтении звучит так: «Я хочу для тебя блага. У Меня есть план. И этот план — не наказание. Этот план — жизнь».

Пророки были трещинами. Не полнотой. Трещинами. Сквозь них пробивался свет. Но маска ещё держалась. Народ ещё не был готов. Культура ещё не позволяла.

Нужен был Тот, Кто снимет маску целиком. Не по частям. Не постепенно. Не «вот тут чуть-чуть исправим, а тут оставим». Нет. Целиком. Раз и навсегда.

И Он пришёл.

1.4. «Многократно и многообразно»: почему мы не слышали

В этих словах я слышу напоминание о том, как трудно человеку услышать Бога сквозь собственные представления.

«Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евреям 1:1–2).

Мы читаем «многократно и многообразно» и думаем: как здорово! Бог так щедро говорил! Столько раз! Столько способов!

Но остановись. Подумай. Если бы ты объяснял ребёнку простую вещь — «я тебя люблю» — и тебе пришлось бы объяснять это *многократно и многообразно*, через сто разных метафор, через войну и мир, через закон и пророков, через царей и судей... что бы это значило?

В таком образе повторение напоминает мне о том, как трудно услышать любовь сквозь страх. Иногда сообщение требует разных слов и разных встреч, прежде чем человек может ему довериться.

Я читаю «многократно и многообразно» как свидетельство того, что слово о Боге доходило до человека сквозь ограничения его языка, культуры и опыта. Привыкнув к силе, он слышал прежде всего силу; привыкнув к суду — суд. Но полнота, открытая в Сыне, позволяет заново проверить эти образы и увидеть, где за ними проступает Любовь, а где её заслоняют наши представления.

А потом — «в последние дни сии говорил нам в Сыне». Не «многократно». Не «многообразно». *В Сыне*. Одно. Единственное. Окончательное. Полное. Без линзы. Без маски. Без проекции.

«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоанн 1:18).

До Сына — гадание. Тени. Силуэты. Трещины. Пророки, которые видели кусочек и кричали: «Вот! Вот часть правды!»

Сын — полнота. Не часть. Не кусочек. Не «ещё одна перспектива». *Полнота*. «В Нём обитает вся полнота Божества телесно» (Колоссянам 2:9).

Всё, что было до Него, — попытка. Всё, что в Нём, — реальность.

1.5. Иоанн 1:18 — Бога не видел никто никогда

Давай остановимся на этом стихе. Потому что он разрушает всё.

«Бога не видел никто никогда».

Не «Бога не видели *достаточно хорошо*». Не «Бога видели *частично*». Не «Бога видели *через метафору*». *Никто. Никогда.*

Ни Авраам. Ни Моисей. Ни Исаия. Ни Давид. Никто.

Моисей просил: «Покажи мне славу Твою». И Бог ответил: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исход 33:18–23). Моисей увидел *спину*. Тень. След. Не лицо.[34]

Исаия увидел Бога на троне и закричал: «Горе мне! я погиб!» (Исаия 6:5). Но что он увидел? Царя на троне. Серафимов. Дым. Дрожащие от голоса пороги. Образ, который его культура могла переварить: царь, трон, суд. Линза своего времени.[6]

Никто не видел *лица*. Никто не видел *Отца*. Никто не видел Того, Кто бежит навстречу блудному сыну. Кто ест с мытарями. Кто говорит разбойнику: «Сегодня со Мною в раю». Кто говорит женщине у колодца: «Дай Мне пить» — и не осуждает.

Никто. Никогда.

«Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил».

Греческое слово здесь — ἐξηγήσατο (exēgēsato), форма глагола со значениями «рассказывать», «объяснять», «истолковывать». С ним связано слово «экзегеза». В этом контексте Сын открывает нам Отца. Образ раскрытия «изнутри» — уже моё прочтение: как человек, который жил в доме всю жизнь и наконец открывает дверь: «Входи. Смотри. Вот какой этот дом на самом деле».[35]

Иисус не *рассказал* о Боге. Иисус *показал* Бога. Изнутри. Своими руками, которые прикасались к прокажённым. Своими словами, которые прощали до креста. Своими глазами, которые смотрели на Закхея без осуждения. Своим телом, которое висело на дереве и говорило: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лука 23:34).

Это лицо Бога. Не гнев. Не суд. Не требование крови. Прощение. В момент убийства.

1.6. Иисус как разрыв цепочки проекций

Подумай о цепочке.

Поколение за поколением люди передают друг другу образ Бога. Вместе с ним могут передаваться страх, боль и культурная линза. Опыт войны, суда, феодальной иерархии и юридической сделки оставляет след в том, как человек представляет отношения с Ним.

Так возникает цепочка проекций: мы смотрим на Бога через стекло предыдущих поколений и добавляем к нему своё. Передаваемый образ может всё сильнее заслонять Того, Кто есть.

Иисус пришёл разорвать эту цепочку.

Не «дополнить». Не «уточнить». Не «добавить ещё одно звено». *Разорвать*.

Он сказал фарисеям — хранителям традиции, звеньям цепочки: «Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?» (Матфей 15:3). Он сказал: «Вы слышали, что сказано

древним... А Я говорю вам...» (Матфей 5:21–22). Не «дополняю». Не «развиваю». *А Я говорю вам*. Новый голос. Новый авторитет. Разрыв.

Он ел с грешниками — и тем самым говорил: «Бог не тот, кого вы себе нарисовали. Бог не тот, кто требует, чтобы вы отделились от нечистых. Бог сидит за одним столом с теми, кого вы отвергли».

Он прощал без жертвы — и тем самым говорил: «Бог не тот, кто требует крови для прощения. Бог прощает свободно. Всегда прощал. Всегда будет прощать».

Он исцелял в субботу — и тем самым говорил: «Бог не тот, кто связан ритуалом. Бог не тот, кто смотрит на календарь. Бог смотрит на человека. И человеку нужна помощь *сейчас*».

Каждое действие Иисуса — разрыв. Каждая притча — разрыв. Каждое прощение — разрыв.

Он не реформировал иудаизм. Он не «улучшал» образ Бога. Он открывал Бога, *совершенно непохожего* на образ, сложившийся в человеческом страхе. Того, Которого никто не видел. Того, Который всегда был, но Которого никто не мог увидеть сквозь маску.

«Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его» (Иоанн 14:7).

Видели. Не «слышали о Нём». Не «читали в книге». Не «получили через цепочку». *Видели*. В Иисусе. Живого. Настоящего. Без маски.

1.7. Что это значит для чтения Ветхого Завета сегодня

Теперь ты можешь спросить: «Если Ветхий Завет — это проекция, значит, он бесполезен? Значит, его можно выбросить?»

Нет. Совсем нет.

Ветхий Завет — это не бесполезная книга. Это *история поиска*. История народа, который искал Бога в темноте. Который натыкался. Который падал. Который проецировал свой страх и называл его Богом. Но который *искал*. Который не останавливался. Который чувствовал, что за маской есть что-то большее.

Я предлагаю читать Ветхий Завет *через Иисуса*: именно Его образ Отца становится для меня главным ориентиром.

Поэтому я не принимаю объяснение, в котором любовь Иисуса отодвигают словами: «Но Ветхий Завет показывает, что Бог на самом деле другой». В образном языке этой книги Ветхий Завет — тень, Иисус — свет. Для меня свет помогает понять тень. Ты можешь проверить этот способ чтения, сопоставляя тексты, их контекст и мои доводы.

Когда ты читаешь в Ветхом Завете о гневе Бога — спроси: «Это Бог? Или это человек, который проецирует свой гнев на небо?»

Когда ты читаешь о требовании крови — спроси: «Это воля Отца? Или это уступка народу, который не мог представить прощение без оплаты?»

Когда ты читаешь о войне и истреблении — спроси: «Это голос Любви? Или голос племени, которое оправдывает своё насилие именем Бога?»

Так я предлагаю читать эти тексты, обращаясь к Иисусу. Он брал Ветхий Завет и говорил: «Вы слышали, что сказано... А Я говорю вам...» Он не отменял. Он *раскрывал*. Показывал, что за буквой — дух. За законом — любовь. За тенью — реальность.

«Закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоанн 1:17).

Закон — это тень. Благодать — это реальность. Тень не плоха. Тень показывает, что есть свет. Но когда свет уже пришёл, можно учиться смотреть дальше тени. Не обвинять себя за прежний взгляд, а открывать новую возможность.

Когда в этой книге я говорю, что Отец не гневается, я отвергаю образ ярости против человека, желания наказать, отомстить или уничтожить. Отец никогда не становится врагом Своих детей. Его любовь может скорбеть о зле и деятельно противостоять ему. Библейский язык «гнева» я рассматриваю через эту любовь; подробнее — в Приложении В.

Маска падает

Я хочу, чтобы ты представил одну сцену.

Представь человека перед огромным полотном. На нём нарисован Бог. Грозный. Сидящий на троне. С мечом в одной руке и весами в другой. Вокруг — огонь. Дым. Крики. Этот человек привык смотреть на полотно, молиться, бояться и пытаться заслужить одобрение изображённого Бога.

А потом приходит Кто-то. Тихо. Без меча. Без весов. Без огня. Подходит к полотну. Смотрит на него. И говорит: «Это не Мой Отец».

И человек говорит: «Но... нам всегда так говорили. Так учили. Так было всегда».

А Он говорит — так я представляю эту сцену: «Знаю. Поэтому Я здесь. Чтобы вы увидели Отца за образом, который заставляет ждать отвержения».

И Он берёт полотно. И снимает его. А за ним — не пустота. За ним — окно. И в окне — рассвет. И в свете рассвета — лицо. Не грозное. Не судящее. Не требующее. Живое. Тёплое. С глазами, которые смотрят на тебя и говорят: «Я ждал, пока ты посмотришь сюда. Я ждал, пока эта картинка перестанет закрывать Меня от тебя. Я всегда был здесь. За ней. Ждал».

У человека в этой сцене могут появиться слёзы облегчения. Образ, которого он боялся, мог быть усвоен задолго до того, как он научился задавать вопросы. Если эта история похожа на твою, она может дать надежду; твоё переживание не обязано повторять её.

А любовь была за маской. Всегда. Ждала. Не требовала. Не наказывала. Не считала. Просто ждала.

Иисус снял полотно. Иисус показал окно. Иисус сказал: «Смотри. Вот Отец. Настоящий. Без меча. Без весов. Без огня. Просто — Отец. Который любит тебя. Не за что. Не потому что ты хорош. Не потому что ты заслужил. А потому что ты — Его. И это не изменится. Никогда».

«Я и Отец — одно» (Иоанн 10:30).

В Иисусе мы видим Отца. *Одно* здесь говорит о единстве любви: Иисус не показывает нам иной характер Бога. Другого Бога нет. Нет Бога за спиной Иисуса, который гневается, пока Иисус прощает. Нет Бога-Судьи, которого Иисус должен умилостивить. Одна любовь. В руках и поступках Иисуса мы узнаём Отца.

Маска падает. Полотно снято. Окно открыто.

И за окном — рассвет. Твой рассвет. Тот, которого ты ждал всю жизнь, даже не зная, что ждёшь.

В следующей главе мы разберём юридическую модель, в которой прощение мыслится как требующее смерти Сына, и рассмотрим её связь со средневековыми представлениями о долге и справедливости. Я покажу, почему вижу здесь подмену: место живого Отца, открытого Иисусом, занимает система требований. Именно эту подмену я называю идолом.

ГЛАВА 2
Прощение как сделка

2.1. Раннее христианство: образ креста как победы

Я хочу рассказать тебе историю, которую тебе, возможно, не рассказывали.

Раннее христианство говорило о спасении разными образами: победой над смертью, освобождением, жертвой, восстановлением человека. Здесь я хочу выделить то, что особенно важно для этой книги: Христос приходит вернуть жизнь, а не убедить Отца наконец полюбить нас.

Что знала ранняя церковь?

Она знала крест как *победу* — один из образов, через которые осмысляла спасение. Именно к этому образу я предлагаю сейчас обратиться.

Ириней Лионский, второй век, связывал спасение с *recapitulatio* — «возглавлением»: во Христе человеческий путь начинается заново, и непослушание Адама преодолевается послушанием Христа. Ириней также говорил об искуплении кровью; его мысль не исчерпывается одной метафорой. В образе нового пути я слышу особенно важное для этой книги: человечество не оставлено в лабиринте. Христос входит в него, чтобы вернуть нас к жизни.[36]

Афанасий Великий, четвёртый век, выразил цель воплощения словами, которые обычно передают так: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». В его трактате «О воплощении» *восстановление образа* и победа над смертью соседствуют с языком жертвы и долга смерти. Я выделяю здесь цель восстановления: человек возвращается к жизни и к близости с Богом. Как зеркало, которое треснуло и вновь становится целым.[37]

В этом образе крест — не зал суда. Это поле боя. Поле, где Любовь сражается со смертью. Где свет входит в темноту. Где Врач спускается в карантинную зону, чтобы вынести больных. Не для того чтобы «удовлетворить требования вируса». А потому что больные — Его. И Он не оставит их там.

Это было Евангелие. Живое. Тёплое. Освобождающее.

А потом кое-что изменилось.

2.2. Ансельм Кентерберийский и феодальная логика

Одиннадцатый век. Европа. Мир иерархий, чести и обязательств. Ансельм рассматривает грех как нарушение должного отношения к Богу, требующее удовлетворения. Человек должен восстановить нарушенный порядок, но не может сделать это собственными силами. Отсюда — необходимость Богочеловека. Я вижу в этой модели опасность: отношения с Отцом начинают объясняться через долг и возмещение.

Это логика Ансельма Кентерберийского. Год 1098. Трактат «Cur Deus Homo» — «Почему Бог стал человеком».[38]

Ансельм был гениальным мыслителем. Нет оснований сводить его мысль к злому намерению исказить Бога. В его рассуждении звучит язык чести, долга и должного порядка. Я сопоставляю этот язык с устройством средневекового общества. У Ансельма Христос добровольно отдаёт Свою жизнь. Позднее Кальвин пишет о Христе, принимающем наказание, которому подлежал человек.

Опасность начинается там, где объяснение перестают воспринимать как объяснение и принимают за исчерпывающую истину о Боге. Тогда язык долга и удовлетворения может заслонить живые отношения с Отцом.

В таком прочтении образ Отца уступает место образу Судьи. Который сидит на троне. Который ведёт протокол. Который требует, чтобы закон был исполнен. Который не может просто простить, потому что «справедливость должна быть удовлетворена».

Подумай над этой фразой. *Справедливость должна быть удовлетворена*. Не «любовь должна быть явлена». Не «человек должен быть исцелён». Не «отношения должны быть восстановлены». *Справедливость. Должна. Быть. Удовлетворена.*

Как если бы Бог был не живым Отцом, а безликим механизмом. Автоматом. Программой, в которую заложен алгоритм: если нарушение — наказание. Если долг — оплата. Если грех — кровь. И даже Бог не может обойти этот алгоритм. Даже Бог не может сказать: «Просто прощаю». Потому что *справедливость должна быть удовлетворена*.

Я не узнаю Евангелие в образе, где милость становится исполнением процедуры. Для меня это человеческий суд, перенесённый на небо: отношения с Отцом подменены порядком требований. Именно эту подмену я оспариваю.

2.3. Бог-Судья, Бог-Банкир, Бог-Прокурор

Я доведу до предела три образа, возникающие, когда отношения с Богом сводят к приговору, долгу и обвинению. Это сознательно заострённые маски. Через них я хочу показать, что происходит, когда страх вытесняет любовь.

Бог-Судья. Он сидит на троне. Перед Ним — книга. В книге записано всё. Каждое слово. Каждая мысль. Каждый промах. И в конце — суд. Ты стоишь перед Ним. Без адвоката. Без права на апелляцию. И Он зачитывает приговор. Виновен. Навсегда. Если только... если только кто-то не заплатил за тебя. Но и тогда — не потому что Он хочет простить. А потому что *закон исполнен*. Бумаги в порядке. Дело закрыто.

Бог-Банкир. Ты родился в долгу. Не в любви. Не в благодати. В *долгу*. Каждый грех — это минус на счету. Каждая ошибка — это процент. И долг растёт. Растёт. Растёт. И ты не можешь заплатить. Никогда не сможешь. Потому что долг бесконечен. Но Банк предлагает реструктуризацию: Его Сын заплатит за тебя. Не потому что любит. А потому что *баланс должен сойтись*. Дебет с кредитом. Иначе система рухнет.

Бог-Прокурор. Он обвиняет. Он собирает улики. Он строит дело. Он не ищет оправдания — он ищет доказательства вины. И когда находит — торжествует. Не потому что справедливость восторжествовала. А потому что *он прав*. Потому что ты виновен. Потому что он всегда знал, что ты виновен. И вот — подтверждение.

Три маски. Одна сущность: страх. Страх перед тем, кто имеет власть над тобой. Страх перед тем, кто считает. Страх перед тем, от кого нельзя уйти.

Когда детям говорят о Боге прежде всего как о Том, Кто следит, записывает и наказывает, вера может связываться со страхом. Тогда отказ от такого образа иногда звучит как отказ от самого Бога: «Если это Бог, то мне не нужен Бог».

Я понимаю этот протест. Такой образ Бога я отвергаю как идол: проекцию страха, маску на лице Отца. Моя критика направлена на этот образ, а не на достоинство человека, который научился в него верить.

2.4. Абсурд сделки: притча об отце, который убивает сына

Я расскажу тебе притчу. Не библейскую. Мою. Послушай.

Жил-был отец. И было у него двое сыновей. Младший однажды разбил любимую вазу отца. Разбил вдребезги. Осколки по всему полу.

Отец посмотрел на осколки. И сказал: «За это нужно заплатить. Цена вазы — жизнь. Не твоя. Но чья-то. Таков закон».

Младший сын заплакал: «Прости, отец. Я не хотел. Я прошу. Давай просто склеим. Или я сделаю новую».

Но отец покачал головой: «Нет. Закон есть закон. Кто-то должен заплатить жизнью».

И тогда старший сын вышел вперёд и сказал: «Я заплачу. Убей меня вместо него».

И отец убил старшего сына. На глазах у младшего. А потом сказал младшему: «Видишь? Я тебя простил. Долг оплачен. Иди с миром».

Остановись.

Что ты чувствуешь?

Эта история тяжёлая. Она ставит передо мной вопрос: можно ли назвать прощением решение отца убить одного сына за проступок другого? Свою реакцию ты можешь заметить, но для обсуждения важно рассмотреть и саму логику такого решения.

Я не могу назвать это отцовской заботой или любовью. Здесь один человек погибает ради того, чтобы другому разрешили быть прощённым. Для меня это убийство, названное прощением.

Теперь сопоставим эту притчу с представлением, что Бог может простить человека только ценой смерти Иисуса. Притча намеренно доводит такую логику до предела; её пределы тоже нужно учитывать. Если ты встречался с таким объяснением, можно спросить: какой образ Отца оно передаёт и насколько точно сама аналогия описывает это объяснение?

«Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного» (Иоанн 3:16; пересказ). Как меняется смысл этих слов, если прочитать их через карательную модель? Бог *отдал* Сына. На смерть. За вазу. За то, что ты промахнулся. За то, что ты не попал в цель. За то, что ты *человек* и ошибаешься.[7]

В этом образе прощение становится холодной, бесчеловечной сделкой. Я не могу назвать такую сделку любовью Отца. Но моя притча — не пересказ трактата Ансельма: он подчёркивал добровольность Христа. Здесь я критикую представление, в котором Бог требует смерть как цену милости.

Настоящий Отец не убивает сына за вазу. Настоящий Отец говорит: «Ничего. Это просто ваза. Иди сюда. Обними меня. Ты мой».

В моём понимании Бог не требует крови для прощения. Смысл Его отношения к человеку я передал бы так: «Прощаю. Всегда прощал. Всегда буду прощать. Мне не нужна жертва. Мне нужен ты. Живой. Целый. Дома».

2.5. Метафоры Иисуса: Врач, Пастух, Отец

Теперь давай посмотрим, какие метафоры использовал Иисус, когда говорил о Боге. О Себе. О Своём отношении к людям.

Врач. «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Матфей 9:12). Врач не судит больного. Врач не говорит: «Ты сам виноват, что заболел. Теперь плати». Врач лечит. Врач говорит: «Где болит? Давай посмотрим. Давай исцелим». Грех в метафоре Иисуса — это болезнь. Не преступление. Не долг. Болезнь. И Бог — Врач. Не Судья.

Пастух. «Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдёт за пропавшею, пока не найдёт её?» (Лука 15:4). Пастух не бьёт овцу за то, что она заблудилась. Пастух не говорит: «Ты нарушила закон стада. Теперь заплати». Пастух идёт. Ищет. Находит. Берёт на плечи. Несёт домой. И радуется. Не судит. *Радуется*.

Отец. «Когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его» (Лука 15:20). Отец не устраивает суд. Не требует отчёта. Не говорит: «Сначала отработай долг». Бежит. Обнимает. Целует. Устраивает пир. Не потому что сын заслужил. А потому что сын *вернулся*. И этого достаточно. Всегда было достаточно.

Врач. Пастух. Отец.

В этих образах я вижу Бога, Который лечит, ищет и встречает человека.

В Евангелиях есть слова о суде (Иоанн 5:22), долгах (Матфей 6:12) и искуплении (Марк 10:45). Я не вычёркиваю их и не считаю сам их язык доказательством того, что Отец нуждается в крови, чтобы простить. Но вопрос о крови не исчерпывает вопроса о суде. Говоря «Отец

не судит», я имею в виду: Он не становится обвинителем Своих детей, не выносит человеку карательный приговор и не решает, достоин ли тот любви. Любовь раскрывает правду о зле и помогает остановить вред. Слова Иисуса о суде я разбираю в Приложении В. Приглашение «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я *успокою* вас» (Матфей 11:28) я слышу как обещание помощи и покоя.

Этот смысл я выразил бы так: «Придите, исцелитесь. Придите, найдите дорогу. Придите, вернитесь домой».

Это язык любви. Не язык суда.

2.6. Прощение до распятия: вопрос к юридической модели

А теперь — наблюдение, на котором строится мой главный вопрос к этой модели.

Иисус прощал *до* креста.

Не после. Не «когда жертва будет принесена». Не «когда долг будет оплачен». Не «когда справедливость будет удовлетворена». *До*.

Парализованный. Его приносят на носилках. Иисус смотрит на него и говорит: «Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои» (Матфей 9:2). До креста. Без жертвы. Без крови. Без оплаты. Просто — «прощаются».

Женщина, пойманная в прелюбодеянии. Её тащат к Иисусу. Требуют камня. Иисус говорит: «Кто из вас без греха, первый брось на неё камень». Все уходят. И Он говорит ей: «И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Иоанн 8:7–11). До креста. Без жертвы. Без крови. Без оплаты. Просто — «не осуждаю».

Закхей. Начальник мытарей, человек, которого окружающие называли грешником. Иисус сам предлагает прийти к нему в дом — ещё до обещания вернуть причинённый ущерб. Затем Закхей говорит о помощи бедным и возмещении обиженным, а Иисус — о спасении, пришедшем в этот дом (Лука 19:1–10). Я вижу здесь любовь, которая приходит первой и пробуждает ответ. Возмещение вреда человеку не становится платой Богу за принятие.

Разбойник на кресте. Умирает. Рядом с Иисусом. И слышит: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лука 23:43). Этот человек слышит обещание уже на кресте. «*Ныне*» — сегодня. Он не получает от Иисуса требования сначала заслужить или оплатить обещанную милость.

Ты понимаешь, что это значит?

Эти эпизоды показывают: человек получал прощение, не внося плату, не принося кровь и не ожидая распятия. Сама хронология ещё не отвечает на все вопросы о значении креста. Мой основной довод — характер Отца, открытый в прощающем Иисусе. Поэтому я понимаю крест как откровение уже существующей любви, а не как событие, заставившее Отца согласиться простить. Почему аргумент «до креста» имеет свои границы, я поясняю в Приложении В.

Прощение было бесплатным. Всегда. С первого дня. С первого слова Иисуса. С первого взгляда на парализованного. С первого «не осуждаю» женщине. С первого «ныне будешь со Мною в раю» разбойнику.

Бог не ждал креста, чтобы простить. Бог прощал *всегда*. Крест не изменил Бога. Крест изменил *нас*. Но об этом — потом.

2.7. Почему юридическая модель кажется убедительной

Ты можешь спросить: «Если юридическая модель — ложь, почему миллионы людей в неё верят? Почему церкви учат этому? Почему это так укоренилось?»

У такого доверия могут быть разные причины. Я хочу рассмотреть одну: привычная модель даёт человеку ясность и опору. В той её форме, которую я критикую, принятие Богом ставится в зависимость от исполнения условий: «Вот правила. Вот что нужно сделать. Исполни — и будешь спасён».

А любовь — непонятна. Любовь не даёт структуры. Любовь говорит: «Ты принят. Без условий. Без правил. Без оплаты». И это *пугает*. Потому что если я принят без условий — значит, мне не за что держаться. Нечем прикрыться. Нечем гордиться. Я не могу сказать: «Я заслужил. Я выполнил. Я лучше тех, кто не выполнил».

Юридическая модель даёт иерархию. Есть те, кто «спасён», и те, кто «не спасён». Есть те, кто «в порядке с Богом», и те, кто «в долгу». Есть праведные и грешные. И я могу быть в первой группе. Могу гордиться. Могу смотреть на других сверху.

А любовь стирает иерархию. В любви все — дети. Все — приняты. Все — дома. Никто не лучше. Никто не хуже. Никто не заслужил больше. Никто не заслужил меньше. Дар. Всем. Бесплатно.

Такая любовь разрушает систему, которая держится на страхе и контроле — будь она религиозной, институциональной или человеческой. Принятие больше нельзя выдавать как награду за послушание. Любовь даёт свободу, и прежний способ управлять человеком теряет силу.

Когда модель даёт чувство контроля, с ней бывает трудно расстаться. Это одна из возможных причин её устойчивости. Привычная система может оградить человека от встречи с безусловной любовью, смысл которой я передал бы словами: «Я люблю тебя. Без условий. Без оплаты. Без сделки. Просто потому что ты есть».

А встретиться с этим — значит умереть. Умереть для контроля. Умереть для гордости. Умереть для иерархии. Умереть для страха. И родиться заново. В любви, которую ты не заслужил и не заслужишь. Которая просто есть. Как солнце. Как воздух. Как дыхание.

Монстр умирает

Я хочу, чтобы ты представил одну вещь.

Представь, что ты всю жизнь жил в комнате. В тёмной, тесной комнате. С одним окном, забитым досками. И в этой комнате стоит фигура. Огромная. Грозная. С весами. С мечом. С книгой, в которой записаны все твои ошибки. И ты всю жизнь стоишь перед этой фигурой на коленях. Просишь. Умоляешь. Пытаешься заслужить. Пытаешься не разгневать.

И вот однажды кто-то входит в комнату. Тихо. Без меча. Без весов. Без книги. Подходит к фигуре. Кладёт руку на её плечо. И фигура рассыпается. Пыль. Пепел. Ничего. Её никогда не было. Это была тень. Проекция. Твоё дыхание на стекле.

А за пылью — стена. И в стене — дверь. И за дверью — свет. И в свете — кто-то стоит. Не огромный. Не грозный. Не с мечом. Просто — стоит. С открытыми руками. И говорит:

«Иди сюда. Я здесь. Я всегда был здесь. За фигурой. За страхом. У открытой двери. Я ждал, пока ты перестанешь стоять на коленях перед тенью. Встань. Иди. Домой».

И ты встаёшь. Колени болят — ты так долго стоял. Ноги затекли — ты так долго не двигался. Но ты встаёшь. И идёшь. К двери. К свету. К Тому, Кто ждёт.

И Он обнимает тебя. Не судит. Не зачитывает приговор. Не проверяет, достаточно ли ты пострадал. Просто обнимает. И говорит такими простыми словами:

«Ничего. Ты — Мой. Иди домой».

Отцу не нужна плата за прощение. Его любовь не становится сделкой. Привычный образ Бога можно пересмотреть с уважением к своему пути и к тем, кто понимает его иначе.

А Отец всё это время ждал у открытой двери. Не гневался. Не считал. Не требовал. Ждал.

И теперь ты знаешь. Маска снята. Монстр рассыпан. Дверь открыта.

Иди.

В следующей главе мы поговорим о «фарисее внутри нас» — авторском образе, а не приговоре человеку. О том, как защитой Бога могут оправдывать жестокость. И о том, как проверять свой образ Отца по его влиянию на жизнь и отношения.

ГЛАВА 3
Фарисей внутри нас

3.1. Иоанн 16:2 — убивающий думает, что служит Богу

Иисус сказал ученикам фразу, от которой кровь стынет в жилах:

«Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Иоанн 16:2).

Прочитай ещё раз. Медленно.

Всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу.

Человек может считать, что служит Богу, и при этом разрушать жизнь. Он может молиться перед тем, как поднять камень, цитировать Писание, вынося приговор, и говорить: «Я делаю это для Господа». Уверенность в святости цели не отменяет жестокости поступка.

Это предупреждение не замыкается в истории двухтысячелетней давности. Опасность оправдывать жестокость именем Бога может повторяться. Поэтому её важно замечать и останавливать.

Опасность возникает, когда защитой Бога начинают оправдывать жестокость. Когда человек говорит: «Бог оскорблён. Бог требует справедливости. Бог не может просто простить. И я — Его меч. Его голос. Его рука».

И убивает. Не всегда буквально. Иногда — словом. Иногда — отвержением. Иногда — молчанием. Иногда — взглядом, который говорит: «Ты не достоин быть здесь». Иногда — проповедью, после которой человек уходит из церкви и больше никогда не возвращается. В таком случае человек мог столкнуться с отвержением, прикрытым религиозными словами, и принять его за отношение самого Бога.

Иисус предупреждал учеников о насилии, которое будут считать служением Богу. Смысл этого предупреждения я выразил бы так: «Будьте осторожны. Самая страшная тьма — не та, которая знает, что она тьма. Самая страшная тьма — та, которая думает, что она свет».

3.2. Фарисеев нельзя свести к одному образу

Я хочу сказать тебе то, что может тебя удивить.

Фарисеев нельзя свести к карикатуре на злодеев. В евангельском повествовании их отношения с Иисусом различаются: Никодим приходит к Нему и позднее напоминает, что человека нужно выслушать, прежде чем судить (Иоанн 3:1–2; 7:50–51).

Среди фарисеев были люди, глубоко преданные Писанию и традиции. Важно увидеть в них живых людей, а не удобное имя для всего, что нам не нравится в религии.

Евангелия рассказывают, как некоторые религиозные руководители добивались смерти Иисуса. На распятие Его передал Пилат; казнь совершили римские воины. Обвинять в ней всех фарисеев нельзя.

Меня занимает вопрос: как уверенность в своей правоте может превратиться в разрешение остановить человека любой ценой? Как защита привычного порядка становится важнее его жизни?

Религиозная ревность может стать оправданием жестокости, когда сохранение священного порядка ставят выше живого человека. Страх потерять опору и власть способен прикрыться заботой о вере.

Иоанн описывает совет первосвященников и фарисеев: «Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим, и народом» (Иоанн 11:47–48).

В этих словах слышен страх перед римским вмешательством и потерей привычного порядка. Я вижу здесь опасность решения, которое оправдывают заботой о народе, хотя оно ведёт к насилию. Но по одной реплике нельзя установить все внутренние мотивы каждого участника.

И убивают Бога.

Для меня этот эпизод показывает, как уверенность в своей правоте может заслонить живого человека. Иисус, Который ест с грешниками и прощает без жертвы, становится угрозой порядку, когда сохранение этого порядка оказывается важнее жизни.

Система, которая держится на страхе и контроле, может отвечать на угрозу насилием. Именно этот механизм я предлагаю распознать.

3.3. Когда защита Бога становится убийством Бога

Есть парадокс, который я хочу, чтобы ты увидел.

Когда защита своего образа Бога становится важнее живого человека, стоит остановиться и спросить: кого я защищаю? Если ради доктрины я разрешаю себе унижать, отвергать или причинять боль, мой образ Бога начинает заслонять Самого Бога. Эту подмену я называю служением идолу.

Потому что настоящий Бог не нуждается в защите. Не нуждается в адвокатах. Не нуждается в воинах. Не нуждается в том, чтобы ты убивал за Него. Не нуждается в том, чтобы ты кричал за Него. Не нуждается в том, чтобы ты осуждал за Него.

Настоящий Бог — Любовь. А любовь не убивает. Любовь не осуждает. Любовь не унижает и не запугивает. Любовь не требует, чтобы ради её защиты унижали или уничтожали другого. Любовь просто *есть*. Как солнце. Солнце не нуждается в том, чтобы кто-то доказывал его существование. Солнце просто светит. И если ты закроешь глаза и скажешь: «Солнца нет», — солнце не перестанет светить. Оно просто подождёт, пока ты откроешь глаза.

В моём образе «фарисей» — человек, который боится потерять опору. Он думает: «Если я не защищу Бога — Бог исчезнет. Если я не накажу богохульника — Бог будет оскорблён. Если я не сохраню систему — всё рухнет».

Под «убийством Бога» я понимаю здесь подмену живых отношений мёртвой схемой: любви — правилом, свободы — контролем. А когда такой подменой оправдывают жестокость, она может привести и к реальному насилию над людьми.

Иисус сказал фарисеям: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Матфей 23:13).

Затворяете. Не просто не входите сами. Не просто ошибаетесь. *Затворяете*. Стоите в дверях и не пускаете. Говорите: «Сюда нельзя. Ты недостоин. Ты не соответствуешь. Ты не прошёл проверку. Ты не выполнил условия».

И Царство Небесное — которое есть любовь, принятие, свобода, дом — становится закрытым. Не Богом. Фарисеем. Тем, кто думает, что служит Богу.

3.4. Фарисей сегодня: голоса, которые мы слышим

Теперь — самое важное. Самое неудобное.

Когда я говорю о «фарисее внутри нас», я использую авторский образ: стремление решать за Бога, кого Он может любить и прощать. Такой импульс может появляться и во мне, и в других людях. Я предлагаю замечать его, прежде чем он превращается в отвержение. Это разговор о внутреннем механизме, а не характеристика всех исторических фарисеев.

Фарисей внутри нас говорит разными голосами.

Голос первый: *«Ты недостаточно хорош»*. Этот голос может приходить извне и со временем становиться внутренним. Он говорит тебе: «Бог не может принять тебя таким. Ты должен сначала исправиться. Сначала стать лучше. Сначала перестать грешить. Потом придёшь. А пока — стой снаружи. Жди. Заслуживай».

В этом голосе я не узнаю Отца. Его приглашение я выразил бы так: «Иди ко Мне сейчас. Такой. Сломанный. Ошибающийся. Такой».

Голос второй: *«Они не заслуживают»*. Этот голос говорит о других. О тех, кто не такой, как ты. Кто верит иначе. Кто живёт иначе. Кто оступился и не встал. Голос говорит: «Бог не может их простить. Они зашли слишком далеко. Они не заслуживают милости».

Я понимаю любовь Отца как дар, который не нужно заслуживать. «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матфей 5:45). Над злыми и добрыми. Без различия. Без условий. Без отбора.

Голос третий: *«Система важнее человека»*. Этот голос говорит: «Правила есть правила. Традиция есть традиция. Порядок есть порядок. И если человек не вписывается — тем хуже для человека».

Это фарисей. Иисус сказал прямо противоположное: «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Марк 2:27). Система для человека. Правило для человека. Традиция для человека. Не наоборот. Никогда не наоборот.

Голос четвёртый: *«Я знаю Бога лучше других»*. Самый тонкий голос. Самый опасный. Говорит: «Моя доктрина правильная. Моя церковь правильная. Моё понимание Бога правильное. А все остальные — заблуждаются. И я должен их исправить. Или хотя бы осудить».

Опасность начинается там, где убеждённость в своей вере становится правом унижать чужое достоинство и решать, кого допустить к Богу. Так можно закрыть дверь перед человеком, уверяя себя, что служишь Богу.

Слышишь эти голоса? В себе? В других? В проповедях, которые слушаешь? В книгах, которые читаешь? В мыслях, которые приходят в три часа ночи?

В этом образе я вижу искреннего человека, чья ревность может превратиться в отвержение и жестокость. Замечая такой механизм, мы получаем возможность остановить его.

3.5. От страха к доверию Отцу

Если под словами «Бойся Бога» тебе передавали прежде всего угрозу, они могли звучать так: «Бог видит. Бог накажет. Бог не потерпит. Трепещи перед Ним».

И мы трепетали. И называли это верой. И думали, что страх — это и есть правильное отношение к Богу. Что если ты не боишься — значит, ты не веришь. Значит, ты не уважаешь. Значит, ты легкомысленный.

Но посмотри на Иисуса. Посмотри, как Он говорит о Боге.

«*Не бойся*, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лука 12:32). В этих словах я слышу приглашение довериться Отцу, Который хочет поделиться с нами Царством.

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Иоанн 4:18).

Я читаю «*Боящийся несовершен в любви*» как приглашение расти в доверии. Страх здесь становится тем, из чего любовь помогает выходить, а не основанием стыдить человека. Вместо требования немедленно перестать бояться — возможность шаг за шагом узнавать Отца, рядом с Которым можно быть собой.

Привыкнув ждать крика или кары, человек может продолжать бояться и во взрослом возрасте. Возраст сам по себе не создаёт доверия. Образ Отца, Который рядом и не предаёт, помогает учиться близости — без необходимости заслуживать её.

Я говорю здесь о мучительном страхе кары и отвержения: о переживании, что Бог может отвернуться и что любовь нужно заслужить. Для меня этот страх — не цель веры. Встреча с Отцом открывает путь от ожидания угрозы к доверию и близости.

А потом — любовь. Не вместо страха. После страха. Сквозь страх. Как рассвет сквозь ночь. Не отменяет ночь. Не делает вид, что ночи не было. Просто приходит. И ночь отступает. Не потому что её победили. А потому что свет сильнее.

«Совершенная любовь изгоняет страх». Я слышу здесь надежду: любовь сильнее страха и помогает выходить из ожидания угрозы. Это не требование немедленно перестать бояться и не повод измерять свою ценность оставшейся тревогой.

Так я понимаю путь от страха к любви: от тени к свету, от переживания себя рабом к доверию сына.

«Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!"» (Римлянам 8:15).

Не раб. Сын. Не страх. Любовь. Не трепет перед Судьёй. Крик ребёнка: «Авва! Папа! Я здесь! Ты здесь!»

3.6. Как проверять свой образ Бога

И вот — практический вопрос. Как присмотреться к своему образу Бога? Что помогает отличать любовь от страха и контроля? Как увидеть, открывает ли вера пространство для жизни или заставляет ждать отвержения?

Предлагаю несколько жизненных вопросов. Их задача — помочь присмотреться к своему образу Бога и к тому, как он влияет на отношения с собой и с людьми.

Вопрос первый: плод. Предупреждая о лжепророках, Иисус сказал: «По плодам их узнаете их» (Матфей 7:16). Я предлагаю применить этот ориентир и к тому, что вера рождает в нашей жизни. Посмотри на свою веру. Что она производит в тебе? Страх или мир? Осуждение или сострадание? Разделение или единство? Гордость или смирение? Тревогу или покой?

Страх или тревога сами по себе не доказывают, что человек служит идолу. Но если учение постоянно усиливает страх, оправдывает унижение и делает отвержение нормой, стоит проверить образ Бога, который за ним стоит. Для меня ориентир — «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Галатам 5:22–23).

Любовь. Радость. Мир. Эти плоды могут стать ориентиром пути, даже если страх и тревога ещё не отступили.

Вопрос второй: отношение к ошибке. Когда ты ошибаешься — что говорит твой Бог? Говорит: «Ты осуждён. Ты должен заплатить. Ты должен страдать»? Или говорит: «Ничего. Встань. Давай попробуем снова. Я рядом»?

Если за каждой ошибкой ты ожидаешь кары, стоит спросить, какой образ Бога с тобой говорит. Я вижу в Иисусе Отца, Который не наказывает, а *восстанавливает*. Женщине Иисус сказал: «И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Иоанн 8:11). Последние слова я читаю как приглашение: «Перестань разрушать себя и вернись к жизни». Прощение становится началом восстановления, а не требованием заслужить милость.

Вопрос третий: отношение к другим. Когда ты видишь человека, который живёт не так, как ты, — что ты чувствуешь? Можно ли попытаться понять его, не лишая ни его, ни себя достоинства? Иногда это означает разговор и близость; иногда — несогласие, остановку вреда или безопасную дистанцию.

Желание осудить другого стоит заметить прежде, чем превращать его в приговор. Я узнаю Отца в Иисусе, Который ест с мытарями, разговаривает с самарянкой и касается прокажённого. Я вижу в этих встречах Бога, Который не делает исправление условием любви, не осуждает, не отделяет человека от Себя. Он приходит, остаётся рядом и любит.

Вопрос четвёртый: свобода. Твоя вера даёт тебе свободу или отнимает? Ты можешь дышать? Ты можешь сомневаться? Ты можешь задавать вопросы? Ты можешь не знать? Или ты должен всегда быть уверенным, всегда правильным, всегда «в рамках»?

Если переживание веры стало похоже на тюрьму, стоит рассмотреть, что превращает её в контроль и страх. Живой Бог — это свобода. «Где Дух Господень, там свобода» (2 Коринфянам 3:17). Не контроль. Не рамки. Не «ты должен думать только так». *Свобода*. Дышать. Сомневаться. Искать. Ошибаться. Возвращаться. Жить.

Вопрос пятый: образ Бога в тишине. Если тебе подходит такое упражнение, можно ненадолго остановиться — с открытыми или закрытыми глазами — и заметить, какой образ Бога возникает. Он может быть ясным, противоречивым или вовсе не появиться. Не нужно насильно убирать свои знания и убеждения или добиваться «правильного» переживания. Образ, который я предлагаю, — Отец рядом: не требующий заслужить любовь, не унижающий, оставляющий пространство для дыхания и вопросов.

Если возникает образ грозного Судьи, можно спросить, с чем он связан, и сопоставить его с Иисусом. Это повод для размышления, а не доказательство, что ты неправильно веришь. За маской отвержения я ищу Отца, Который рядом, но ты вправе проверить мои доводы, ответить иначе или остановить упражнение.

Крепость страха открывается

Я хочу закончить эту главу историей.

Представь человека. Он всю жизнь строил крепость. Высокие стены. Толстые ворота. Башни. Рвы. И на каждой стене — надпись: «Я защищаю Бога». Он не пускал внутрь тех, кто «недостоин». Он выгонял тех, кто «не соответствовал». Он судил. Осуждал. Указывал. Убеждался, что всё правильно. Что всё по правилам. Что система работает.

И вот однажды ночью он просыпается. И слышит голос. Не громкий. Не грозный. Тихий. Из-за стены. Из-за крепости. Голос говорит:

«Открой».

И он говорит: «Кто там?»

И голос говорит: «Это Я. Тот, Кого ты защищаешь. Открой. Я рядом с тобой. И Я с теми, кого ты не пустил. С теми, кого ты осудил. С теми, кого ты назвал недостойными. Мою любовь

нельзя запереть внутри стены и оставить других снаружи. Пока ворота закрыты, ты остаёшься со своими правилами и образом Бога, за которым трудно увидеть Меня. Но Я не перестану любить ни тебя, ни их».

И человек стоит. У ворот. Рука на засове. И внутри него — война. Фарисей кричит: «Не открывай! Система рухнет! Порядок нарушится! Ты потеряешь контроль!» А другой голос, тихий, детский, тот, который был всегда, но которого он не слушал, шепчет: «Открой. Я устал. Я хочу домой. Я хочу к Отцу. Не к Судье. К Отцу».

И рука дрожит. И засов скрипит. И ворота открываются.

И за ними — не армия. Не хаос. Не разрушение. За ними — рассвет. И в рассвете — люди. Те, кого он не пускал. Те, кого он осуждал. Те, кого он называл недостойными. И среди них — Иисус. Живой. Настоящий. Без маски. Без меча. Без весов. С открытыми руками.

И Иисус смотрит на него. Не осуждает. Не говорит: «Видишь, ты был неправ». Не злорадствует. Просто смотрит. И говорит:

«Иди. Я ждал тебя. У ворот, среди людей. Среди тех, кого ты боялся. Среди тех, кого ты не любил. Я ждал. Потому что ты тоже — Мой. И ты тоже — домой. Даже ты. Даже фарисей. Даже тот, кто убивал, думая, что служит Мне. Даже ты. Иди домой».

И фарисей плачет. Не от страха. Не от стыда. От облегчения. Потому что всю жизнь он защищал Бога от людей. А Бог всё это время был *и с теми*, кого он оставлял снаружи. В пыли. На дороге. За столом с мытарями. На кресте рядом с разбойником. Теперь человек узнавал Его близость и за пределами своей крепости.

Потому что любовь не запереть в крепости. Любовь выходит на дорогу. Встречает. Обнимает. Ест. Прощает. Плачет. Радуется. Живёт.

А крепость в этой притче — страх. Когда открываешь ворота, страх может отступать. Иногда постепенно. И ожидание Отца не заканчивается, пока человек учится доверию.

Открой ворота.

Если в образе крепости ты узнаёшь себя, начни с того, что происходит внутри. Где страх заставлял тебя строить стены? Где уверенность в своей правоте закрывала путь к человеку? Эти вопросы можно задать себе с той же бережностью, с какой ты хотел бы быть встречен Отцом.

Обратись к тому «фарисею внутри себя», о котором мы говорили: «Я вижу тебя. Ты не злой. Ты испуганный. Ты строил стены, потому что боялся. Потому что тебе сказали, что Бог — это тот, кого нужно бояться. Что любовь нужно заслужить. Что ошибка — это приговор. Я вижу тебя. И я прощаю тебя. И я отпускаю тебя. И я открываю ворота».

И за воротами — Отец. Не Судья. Не Прокурор. Не Банкир. Отец. Который ждал. Который не злился. Который не считал дни. Который просто стоял у дороги и смотрел, когда ты наконец откроешь.

И ты открываешь. И Он бежит навстречу.

Как всегда. Как всегда бежал. Как всегда будет бежать.

В следующей главе мы разберём слово «грех» и обратимся к образу промаха — стрелы, прошедшей мимо мишени. Я предлагаю увидеть в нём прежде всего уход от жизни, для которой мы созданы, а не долг, который нужно оплатить Богу. Смысл восстановления я передал бы так: Отец помогает нам снова найти цель и сделать следующий шаг.

ГЛАВА 4
Грех, которого не существует

4.1. Рождение иллюзии: от семьи к юриспруденции

Под грехом, «которого не существует», я понимаю долг, будто бы лишающий нас любви Отца. Причинённый людям вред остаётся реальным и требует ответственности. А теперь давай я расскажу тебе историю. Не богословскую. Простую. Бытовую.

Представь семью. Мать, отец, ребёнок. Ребёнку пять лет. Он рисует на стене. Не на бумаге — на стене. Краской. Яркой. Несмываемой.

Что делает семья?

Мать говорит: «Ой. Ну ладно. Давай посмотрим, как это исправить. Может быть, стену придётся перекрасить. А в следующий раз — на бумаге, хорошо?» Отец садится рядом. Берёт кисточку. Говорит: «Смотри, вот здесь у тебя получилось красиво. А давай в следующий раз нарисуем вместе на большом листе?»

Ребёнок может запомнить: ошибка не разрушает любовь. Ошибка — это повод научиться. Родители не перестали быть родителями. Дом не рухнул. Меня не выгнали.

А теперь представь другую семью. Ту же стену. Ту же краску. Но отец кричит: «Ты что наделал?! Ты знаешь, сколько это стоит?! Ты наказан! Месяц без прогулок! И чтобы больше никогда!» Мать молчит. Или говорит: «Отец прав. Ты должен был знать».

Ребёнок может запомнить другое: ошибка — это преступление. За преступление — наказание. Любовь условна. Родители могут отвернуться. Дом может стать враждебным. Я должен быть идеальным, иначе меня отвергнут.

Две семьи. Одна и та же стена. Одна и та же краска. Но в первой семье ребёнок учится *жить*. Во второй — *бояться*.

Эти две сцены помогают мне увидеть разницу между отношениями и карательной схемой. Я сопоставляю её с историческими образами имперской власти, суда и долга — не как единственную историю происхождения религии, а как одну из линз, через которые человек мог смотреть на Бога.

И наложи эту систему на Бога.

Так в карательном образе Бога слово «грех» начинает звучать прежде всего как *преступление*, оскорбление величия и *долг*, который нужно вернуть. Именно это сужение я хочу оспорить, обращаясь к образам промаха, разрушения и восстановления.

В библейских текстах есть и язык закона, вины и суда. Я не отрицаю его наличие. Но считаю, что, превращая его в исчерпывающий образ отношений с Богом, мы можем заслонить

Отца юридической схемой. Мой вопрос — не о том, достоин ли верующий человек, а о том, помогает ли эта схема увидеть Любовь.

4.2. Юридическая система vs семейная система

Давай я покажу разницу наглядно. Две условные схемы: отношения, сведённые к наказанию и долгу, и отношения, в которых любовь семьи не отменяется ошибкой. Это сравнение образов Бога, а не описание любой реальной семьи или всякой правовой системы.

Юридическая система:

— Есть закон. Закон написан на скрижалях. Закон внешний. Он над тобой.

— Нарушение закона — преступление. Не ошибка. Преступление.

— За преступление — наказание. Не последствие. *Наказание*. То есть кто-то *решает* тебя наказать. Кто-то *хочет* тебя наказать.

— Есть судья. Он выносит приговор. Он решает, виновен ты или нет.

— Есть долг. Ты должен. Ты обязан. Ты не расплатился.

— Прощение — это *акт милости судьи*. Он *мог* наказать, но *решил* не наказывать. Это исключение. Это подарок. Это не норма.

— Отношения построены на страхе. Ты боишься нарушить. Ты боишься приговора. Ты боишься судьи.

Семейная система:

— Есть жизнь. Жизнь течёт. Она не записана на скрижалях. Она в дыхании. В отношениях. В любви.

— Ошибка — это ошибка. Промах. Отклонение. Не преступление. Не нарушение. Не долг. Просто — мимо.

— За ошибку — последствие. Не наказание. Не кто-то решает тебя наказать. Последствие *встроено* в само действие. Если ты прыгнешь со скалы — ты упадёшь. Не потому что кто-то тебя толкнул. Не потому что кто-то тебя наказал. А потому что гравитация. Закон жизни. Не закон судьи.

— Нет судьи. Есть отец. Есть мать. Есть тот, кто рядом. Кто говорит: «Ты ушибся? Давай посмотрим. Давай вылечим».

— Любовь не выдаётся в погашение долга. Ты — ребёнок. Ты — сын. Ты — дочь. Не потому что заслужил. Потому что родился. Ответственность за поступки не становится ценой принадлежности семье.

— Прощение — это не исключение. Это *норма*. Это воздух. Это вода. Это то, чем дышит семья. Не нужно заслуживать. Не нужно просить. Не нужно выполнять условия. Прощение уже дано. Всегда было дано. С первого дня.

— Отношения построены на любви. Не на страхе. Не на контроле. На доверии. На близости. На знании: «Я любим. Даже когда ошибаюсь. Даже когда падаю. Даже когда ухожу. Я любим. Потому что я — сын. Я — дочь. И это не изменится».

Две системы. Два мира отношений. Два разных образа Бога. Сам Отец один — меняется наше представление о Нём.

В юридической системе Бог — Судья. В семейной системе Бог — Отец.

В юридической системе ты — обвиняемый. В семейной системе ты — ребёнок.

В юридической системе спасение — это оправдание в суде. В семейной системе спасение — это возвращение домой.

В историях Иисуса я вижу эту семейную близость: любовь приходит к человеку, встречает его в ошибке и открывает возможность возвращения.

Но когда отношения сводят к суду и оплате, эту близость может заслонить юридическая схема, которую начинают принимать за всё Евангелие.

4.3. Что остаётся, когда убираешь юридическую модель

Ты можешь спросить: «Но если убрать юридическую модель — что остаётся? Если нет греха как преступления, нет суда, нет приговора, нет наказания — что остаётся? Хаос? Всё дозволено? Нет морали? Нет ответственности?»

Хороший вопрос. Честный. И я отвечу честно.

Когда убираешь юридическую модель, остаётся *жизнь*. Настоящая. Живая. Не свод правил. Не список запретов. Не таблица наказаний. *Жизнь*. Со всем, что в ней есть.

Остаётся выбор. Каждый день. Каждую минуту. Выбор между разрушением и созиданием. Не между «послушанием Богу» и «непослушанием Богу». Не между «исполнением закона» и «нарушением закона». Между тем, что *строит*, и тем, что *ломает*. Между тем, что *даёт жизнь*, и тем, что *отнимает жизнь*.

Остаётся ответственность. Не перед судьёй. Перед собой. Перед другими. Перед жизнью. Если ты лжёшь — ты разрушаешь доверие. Не потому что «Бог запретил». А потому что ложь *по своей природе* разрушает. Как огонь *по своей природе* жжёт. Не потому что кто-то запретил трогать огонь. А потому что огонь горячий. И если сунешь руку — обожжёшься. Это не наказание. Это природа.

Остаётся совесть. Не внешний закон, записанный на камне. Внутренний голос. Тихий. Говорит: «Это разрушает. Это не твоё. Это мимо цели. Вернись». Не кричит. Не угрожает. Не

обещает наказание. Просто говорит. Как компас. Как внутренний навигатор. Как голос Отца, который не приказывает, а *направляет*.

Остаётся любовь. Не как обязанность. Не как закон. Не как «ты должен любить ближнего, иначе будешь наказан». А как природа. Как дыхание. Как то, что ты делаешь, потому что не можешь иначе. Потому что ты создан из любви. И любовь — это не правило. Это то, что ты есть.

Остаётся свобода. Страшная. Настоящая. Без гарантий. Без «если сделаешь правильно — получишь награду, если неправильно — получишь наказание». Свобода, в которой ты сам выбираешь. Сам несёшь последствия. Сам строишь. Сам ломаешь. И Отец рядом. Не судит. Не наказывает. Не контролирует. Просто рядом. Говорит: «Я здесь. Если что — Я рядом. Всегда».

Это не хаос. Это не «всё дозволено». Это *больше*, чем закон. Это глубже. Это труднее. Потому что закон говорит: «Не делай — и будешь в порядке». А жизнь говорит: «Выбирай. Каждый миг. Сам. В любви. Или в страхе. Но выбирай *ты*. Не потому что тебе приказали. А потому что ты *хочешь* жить».

4.4. Промах, ошибка, отклонение — не преступление

А теперь — лингвистика. Потому что слова важны. Слова формируют реальность. И если мы называем промах «преступлением», мы создаём тюрьму там, где должна быть школа.

В еврейских и арамейских словах, связанных с грехом, встречается родственный корень ḥ-ṭ-ʾ. Но сохранённый текст Евангелий написан по-гречески, и точную арамейскую фразу Иисуса в каждом эпизоде мы не можем восстановить по одному корню.

Что означает этот корень?

Среди его значений — промахнуться, ошибиться; в религиозном и нравственном контексте — согрешить. Я выбираю образ промаха, чтобы раскрыть тему восстановления, а не чтобы вывести всё значение слова из одного перевода.

Представь лучника. Он натягивает тетиву. Прицеливается. Стреляет. Стрела летит. И — мимо. Не в центр мишени. В сторону. На два пальца. На пять. На метр.

Промах — образ, через который я предлагаю посмотреть на грех. Он помогает увидеть путь исправления и возвращения. Сам по себе этот образ не решает вопрос о тяжести причинённого вреда и не освобождает от ответственности перед человеком.

Лучник не идёт в суд. Лучник не платит штраф. Лучник не получает приговор. Лучник берёт другую стрелу. Смотрит, куда ушла. Корректирует. Стреляет снова.

И вот что делает Бог в этой метафоре. Не судья, который выносит приговор. Не банкир, который требует возврата долга. *Тренер*. Который стоит рядом. Который смотрит на полёт стрелы. И говорит: «Видишь? Чуть левее. Чуть выше. Давай ещё раз. Ты можешь. Я верю в тебя».

Не «Ты виноват». Не «Ты должен». Не «Ты осуждён». *Давай ещё раз*.

В Евангелиях Иисус использует разные образы, в том числе язык суда и долга. Но в словах «иди и впредь не греши» (Иоанн 8:11) я слышу прежде всего приглашение к жизни: «Не разрушай себя. Вернись на путь». Последняя фраза — моё прочтение, а не восстановленная арамейская цитата.

Это не приговор. Это *направление*. Это не суд. Это *навигация*. Это не наказание. Это *любовь*, которая говорит: «Ты способен на большее. Ты создан для большего. Не останавливайся на промахе. Стреляй снова».

Когда образ промаха исчезает из нашего взгляда, слово «грех» может превращаться в *клеймо*: ты навсегда виновен, должен *платить* и *страдать*. Я оспариваю именно такое использование слова, которое закрывает человеку путь к жизни.

Мне важно вернуть в этот разговор возможность следующего шага: не «ты осуждён навсегда», а «давай учиться жить иначе».

Проблема здесь не в самом наличии слова «грех», а в том, как им пользуются: ведут к восстановлению или заставляют жить под вечным приговором.

4.5. Разрушение и его последствия

Обман может подорвать доверие, унижение — ранить человека. Вред возникает в самом поступке и в том, что за ним следует. Отец не добавляет к нему кары.

Когда мы выбираем разрушительное действие, его последствия могут причинять боль нам и другим. Но не всякая боль — результат выбора страдающего: человек может столкнуться с болезнью, несчастьем или чужой жестокостью. Поэтому нельзя из страдания выводить ни Божье наказание, ни вину пострадавшего.

И Бог не стоит в стороне и не говорит: «Ну, ты сам виноват. Я предупреждал. Страдай». Бог не злорадствует. Бог не торжествует. Бог плачет. Его приглашение я передал бы так: «Я рядом с тобой и здесь. Давай повернёмся к жизни. Моя любовь не осталась на другой стороне твоей беды».

Не нужно называть это «самонаказанием» и добивать себя. Важно увидеть причинённый вред, позаботиться о пострадавших и искать возможность восстановления.

Прощение не отменяет последствий. Огонь всё так же обжигает. Заботу Отца я передал бы так: «Не суй руку в огонь. А если сунул — иди сюда. Я рядом».

4.6. Созидание как награда

А теперь — обратная сторона. Не менее важная.

В юридической модели награда приходит *сверху*. От судьи. От Бога. Ты исполнил закон — Бог награждает. Ты послушался — Бог благословляет. Ты заслужил — Бог даёт.

Посмотри также на то, что созидание может открывать в нашей жизни. Это не обещание немедленной радости или избавления от всех трудностей: добрый поступок может быть трудным и дорого стоить человеку. Но он способен возвращать связь, смысл и целостность.

Любовь. Человек любит. Отдаёт. Прощает. Обнимает. Что происходит? Не «Бог награждает любящего». Происходит другое: человек может почувствовать внутреннюю полноту. Жизнь. Связь. Смысл. Иногда приходит ощущение: он дома. Он на месте. Он тот, кем создан быть. *Это* награда. Не внешняя. Не «Бог дал премию за хорошее поведение». Внутренняя. Встроенная. Любовь может наполнять того, кто любит. Но любовь не требует почувствовать это всегда или немедленно.

Щедрость. Человек делится. Даёт. Не считает. Что происходит? Не «Бог возвращает сторицей». Происходит другое: человек может освобождаться. От страха. От жадности. От тюрьмы «а вдруг не хватит». Становится легче. Просторнее. Свободнее. *Это* награда. Не сделка. Не «ты дал — Бог вернул». Возможный внутренний отклик. Щедрость может освобождать того, кто даёт. Она не требует отдать последнее ценой собственной безопасности или позволить пользоваться собой.

Правда. Человек говорит правду. Живёт честно. Не прячется. Что происходит? Не «Бог одобряет праведного». Происходит другое: человек может становиться целостнее. Не тратит энергию на поддержание лжи. Ему может быть легче смотреть людям в глаза, потому что не нужно поддерживать ложь. Но честность не гарантирует спокойного сна или отсутствия тревоги. *Это* награда. Не приговор. Не медаль. Возможный внутренний отклик. Честность может помогать восстанавливать целостность. При этом правда не требует раскрывать личное тому, кто использует её для насилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.